

Глава 869. Пастух у Реки

Цилинь ошарашено застыл, услышав знакомый голос.

Несмотря на это, он не осмеливался расслабляться, и задрожав всем телом, превратился в крепкого на вид юношу с головой цилиня и телом человека. Тем не менее, он превратился слишком быстро, забыв о том, что на его спине до сих пор сидел Цинь Му.

Цинь Му полетел вниз, размахивая конечностями, но цилинь успел его поймать и закинуть себе на плечо, прежде чем с тревогой посмотреть в сторону лунного света.

Сегодня был седьмой день месяца. Построение луны превратилось в полумесяц, его вторая половина была скрыта тенью.

Построение было крайне большим и широким, простираясь на сотни километров. Его тёмная половина на самом деле не исчезала, и продолжала двигаться, скрываясь из виду.

Построение напоминало лунный дворец, выглядя крайне красиво и приятно.

— Тот, кто управляет луной звёздной карты должно быть, очень красивая женщина.

Цилинь высунул голову из тени, увидев, что лунный свет вытекал из повреждённого места, будто поток воды.

На кончике полумесяца сидела женщина. Удивлённо моргая, она смотрела в их сторону.

— Это она? — Цилинь был слегка шокирован. Цинь Му на его плече напоминал марионетку без нитей. Он онемело соскользнул с плеча зверя и по странному повернул шею.

Цилинь поспешно его подхватил, в то время как женщина, сидящая на полумесяце, подошла к ним и удивлённо спросила:

— Что с ним случилось?

— Владыка культа ранен, — ответил цилинь — Его состояние крайне тяжёлое, но с ним всё будет в порядке. Владыка Культа, просыпайся!

Он потряс Цинь Му, и его голова начала стучать, будто барабан, отчего тот сразу же открыл глаза. Он растерянно посмотрел на женщину, и та показалась ему знакомой, тем не менее, он не смог вспомнить, кто это.

— Почему ты здесь? — пробормотал он, прежде чем снова потерять сознание.

— Видишь, с ним всё хорошо! — уверенно проговорил цилинь.

Тем не менее, женщина сильно заволновалась. Провожая их в лунный дворец, она проговорила:

— Я только что убрала, можете здесь отдохнуть.

Цилинь положил Цинь Му на землю. Осмотрев его ранения, женщина ненадолго замолчала, после чего отправилась готовить пилюли и лекарства.

Цилинь шагнул подошёл к ней, смеясь:

— Раньше ты ничего не умела, а сейчас уже можешь готовить пилюли и лекарства?

Женщина улыбнулась:

— После того, как вы ушли, я должна была сама о всём заботиться. Тогда я была ещё молода, и мне лишь предстояло научиться. Нет ничего странного в том, что теперь я могу делать всё сама.

Цилинь ненадолго задумался, прежде чем ответить:

— В тот раз всё и вправду напоминало сон. Владыка Культа, Гроссмейстер, сундук и я внезапно оказались в городе Ста Процветаний, а затем исчезли на рассвете. То, через что мы прошли той ночью, было настолько странным, что об этом нельзя забыть.

Женщина повернула голову и посмотрела на Цинь Му, слегка улыбаясь:

— Это правда. На протяжении десятков тысяч лет я огромное количество раз просыпалась в кошмарах. Вспоминая о той странной ночи, у меня появлялась смелость, чтобы продолжать жить.

Цинь Му услышал знакомый голос. Он несколько раз пытался открыть глаза, но из-за своих тяжёлых ранений и их природы, он снова терял сознание.

Худшее было уже позади, впрочем, Небесный Преподобный Юй оказался слишком сильным. В бою против Цинь Му он исполнил своё собственное божественное искусство, вошедшее на путь, начиная от первых, и заканчивая двадцать восьмыми небесами. Двадцать восемь божественных искусств, вошедших на путь, одно за другим, вынудили Цинь Му отдать все свои силы.

Продemonстрировав в бою всё, что он мог, Цинь Му был вынужден освободить свою полную силу и исполнить технику создания Бессмертного Бога и Три Исконных Духа Бессмертного Сознания Бога, чтобы восстановить своё физическое тело и исконный дух. Это привело к даже более сильному истощению.

Теперь он то терял сознание, то приходил в себя. Он чувствовал горечь во рту, понимая, что кто-то кормит его лекарствами. Попадая в его рот, лекарства превращались в горячий поток, спускающийся в горло, после чего начинали кипеть в его теле, проникая в конечности и кости.

Он открыл глаза, едва различая знакомую на вид женщину, которая открыла рот и выплюнула духовную бусину.

Духовная бусина начала вращаться вокруг него, отчего в его повреждённом исконном духе и божественных сокровищах возникало невероятно приятное чувство.

Цинь Му постепенно уснул. У его ушей раздавался разговор женщины и цилиня. Казалось, что те хорошо знают друг друга.

Спустя некоторое время он услышал другие голоса, похожие на голоса Небесных Наставников Дровосека и Цзы Си. Также ему казалось, что Ди Июэ и остальные тоже были там.

Он не мог разобрать их разговора, а спустя некоторое время всё стихло.

Цинь Му спал, чувствуя, будто вернулся в дни своего детства. Время, казалось, вернулось

вспять, и он снова попал в деревню Цань Лао, где тщательно тренировался под надзором старого Ма, мясника и других.

Время в его снах продолжало двигаться вспять, и вскоре он уже стал ребёнком, лежащим в крохотной корзине. Протянув руки и ноги, он вопил, ярким взглядом смотря на бабушку Сы.

Бабушка Сы была невероятно уродлива, но вытаскивая его из корзины, она смотрела на него крайне добрыми глазами.

Рядом с ней была каменная статуя и старый Ма.

Картина в его сне снова изменилась, тем не менее, он и дальше лежал в корзине. Какая-то девушка тащила корзину, в ужасе прячась от богов и дьяволов в бушующей реке.

Огромная чёрная волна закрывала всё вокруг. Цинь Му выглянул на девушку, которая со всех сил отбивалась от преследователей, пытаясь его защитить.

Её тело покрылось ранами и было полностью истощено.

— Тётя Пин'эр...

Пухлый ребёнок выпрямил свои короткие руки, чтобы коснуться её лица, но не сумел дотянуться.

У Цинь Му никогда не было воспоминаний о том, как он покинул Юду и попал в Великие Руины. Он попросту был слишком мал. Граф Земли запечатал его, после чего мать отдала его тёти Пин'эр, чтобы та вывела его из Юду в Великие Руины.

Тётя Пин'эр умерла в реке, защищая его, а после наступления тьмы его нашла бабушка Сы.

Цинь Му никогда не вспоминал ничего подобного, но во сне он сумел увидеть произошедшее.

Во тьме хлынула чёрная речная вода, накрывая их. Зловещие на вид боги и дьяволы преследовали их с обеих сторон реки, в то время как ранения тёти Пин'эр становились всё серьезнее, ей становилось всё труднее отбиваться.

В этот момент, во сне Цинь Му показался белый туман, движущийся в их сторону.

Тётя Пин'эр тут же потащила корзину внутрь тумана.

Преследователи рванули вслед за ней.

Когда туман рассеялся, они увидели в небе ярко светящее солнце. Его лучи были настолько ослепительными, что пухлый ребёнок был вынужден закрыть глаза и прикрыть лицо пелёнкой.

Из уголков рта тёти Пин'эр выступила кровь, но она продолжала бежать. Накрыв корзину ладонью, она начала напевать детскую песню, пытаясь убаюкать Цинь Му.

— Высокий камыш, длинный камыш, играешь в прятки в камышовом болоте. Как много сильных, известных людей когда-то были пастушками.

— Высокий камыш, длинный камыш, смотрите друг на друга через горы и моря. С одной стороны камыша дом, с другой стороны море.

— Высокий камыш, длинный камыш, колыхнется над болотом. Закончив качаться, он лежит в моей сумке, составляя мне компанию в долгом путешествии.

— Высокий камыш, длинный камыш, песня его флейты очень мелодична.

— Пастухи в далёкой земле, всегда на уме у своей мамы и отца.

Цинь Му ошеломлённо её слушал, пытаясь подпевать. Тем не менее, будучи трёхмесячным ребёнком, он не мог этого сделать.

Зловещие, жестокие боги и дьяволы сидели у них на хвосте.

У истоков реки отчаянная тётя Пин'эр заметила женщину, моющую свой меч.

Цинь Му заметил, что у этой женщины были знакомые черты лица, напоминающие ту девушку, которая сейчас кормила его лекарствами. Тётушка Пин'эр попросила её о помощи, и девушка без раздумий достала свой меч. Напоминая разъярённого дракона, танцующего на ветру, тот был готов захватить целый город и завоевать признание во всех девяти префектурах.

Свет её меча тоже выглядел знакомо. Её техники основывались на техниках Цинь Му, обладая сущностью и духом, готовыми защищать обычных людей во время апокалипсиса.

— Как его зовут? — женщина с мечом подошла к тёте Пин'эр, глядя на ребёнка в корзине.

— Его зовут Цинь Фэнцин, — тётя Пин'эр нежно посмотрела на ребёнка в корзине, из уголков её губ продолжала течь кровь. — Я должна доставить его в безопасное место, нельзя позволить этим богам и дьяволам причинить ему вред. Но я больше не в силах продолжать, мне остаётся лишь доверить его тебе...

Женщина, моющая меч, покачала головой:

— Меня зовут Бай Цюэ'эр, и я одна из выживших людей Высшего Императора. Я скрываюсь от своих преследователей и уже убила нескольких из них. Оставить его мне лишь принесёт ему больше опасности. Я могу защищать его некоторое время, но не слишком долго.

Они двигались вдоль реки, в небе на западе от них висело яркое солнце. Тётя Пин'эр продолжала напевать детскую песню, в то время как женщина с мечом молча её слушала. Преодолев огромное расстояние, звуки её песни внезапно прервались.

Женщина с мечом посмотрела на тётю Пин'эр. Та уже перестала дышать, жизнь в её глазах погасла. Её труп продолжал идти вперёд, неся корзину.

Невероятная привязанность позволила ей продолжать неумолимо двигаться вперёд, чтобы найти безопасное место для ребёнка и найти кому его доверить.

Бай Цюэ'эр впала в оцепенение, но не стала забирать корзину из рук тёти Пин'эр. Она не была готова взять ребёнка себе, и ей оставалось лишь защищать этот упрямый труп, пока тот не найдёт кого-то.

Она начала напевать тот же стишок, который перед смертью напевала тётя Пин'эр.

— Высокий камыш, длинный камыш, играешь прятки в камышовом болоте. Как много сильных,

известных людей когда-то были пастушками...

Трут тёти Пин'эр следовал за ней, улыбаясь.

Они продолжали двигаться вдоль реки, напевая детскую песенку.

В конце концов небо потускнело, вот-вот должна была грянуть тьма.

— Высокий камыш, длинный камыш, песня его флейты очень мелодична. Пастухи в далёкой земле всегда на уме у своей мамы и отца.

Женщина с мечом продолжала напевать детский стишок, в то время как тьма и туман преследовали их, потопая под собой тётю Пин'эр.

Когда они вошли в туман, тётя Пин'эр погрузилась под воду, продолжая крепко держать корзину.

Река быстро подхватила её, унося вниз по течению.

— Когда на улице ночь — нельзя выходить из дому, — вдали раздался чей-то голос. — Ты слышишь плач младенца?

— Такого не может быть, я ничего не слышу... Ах, да, и правда плач младенца!

— Я использовал Сутру Безграничного Бедствия, вступив на путь сном, чтобы помочь ему отследить своё происхождение. Сейчас его жизни ничего не угрожает. — в земле слова Цинь, старый Будда, проводящий большинство своего времени во сне, внезапно спустился, обращаясь к Небесному Герцогу, Графу Земли и остальным. — Изначально я хотел обучить его своей сутре, но он не был готов. Сейчас, когда я помог ему вспомнить своё прошлое с помощью сна, его изучение Безграничного Бедствия это лишь вопрос времени.

Небесный Герцог ответил:

— К счастью, старый Будда проснулся вовремя. В противном случае, даже если бы он выжил, его совершенствование значительно бы пострадало.

В этот момент Цинь Му проснулся, услышав знакомый детский стишок.

— Высокий камыш, длинный камыш, камышовые серёжки походят на снег. Камыш лучше всех знает о сильном ветре, камыш лучше всех знает о проливном дожде...

Он изо всех сил пытался подняться на ноги и последовать за звук песни.

Эта песня заставила его почувствовать, будто он вернулся в те дни, когда был пастухом, когда слушал мелодичные звуки камышовой флейты и смотрел, как на ветру развеваются камышовые серёжки.

Он вышел на улицу. Лунный свет был крайне ярким, а во дворце впереди виднелось знакомое лицо девушки, напевающей детский стишок, смотря вниз на горы и реки Вечного Мира.

Она повернула голову, смотря на него с мирной, застенчивой улыбкой.

<http://tl.rulate.ru/book/12626/754082>